

Екатерина Дайс

Гностицизм младосимволистов Серебряного века
и его реминисценции в творчестве современных поэтов
(Вера Полозкова, Борис Гребенщиков)

В посвященном иррациональной вдохновенности поэтов раннем диалоге «Ион» Платон, в частности, свидетельствует о своих взглядах на поэзию устами Сократа:

Все хорошие эпические поэты не благодаря уменью слагают свои прекрасные поэмы, а только когда становятся вдохновенными и одержимыми; точно так и хорошие мелические поэты... в исступлении творят эти свои прекрасные песнопения; когда ими овладеет гармония и ритм... поэт — это существо легкое, крылатое и священное; он может творить не ранее, чем сделается вдохновенным и исступленным и не будет в нем более рассудка; а пока у человека есть это достояние, никто не способен творить и вещать (533e–534b) [Ион: 372–385].

Та же мысль оказывается продолжена Платоном и в позднем диалоге «Тимей» (71e):

То, что бог уделил пророческий дар человеческому умопращению, может быть бесспорно доказано: никто, находясь в своем уме, не бывает причастен боговдохновенному и истинному пророчеству, но лишь тогда, когда мыслительная способность связана сном, недугом либо неким приступом одержимости. Напротив, дело неповрежденного в уме человека — припомнить и восстановить то, что изрекла во сне либо наяву эта пророческая и вдохновенная природа, расчленив все видения с помощью мысли и уразуметь, что же они знаменуют — зло или добро — и относятся ли они к будущим, к минувшим или к настоящим временам. Не тому же, кто обезумел и еще пребывает в безумии, судить о собственных видениях и речениях! [Тимей: 421–500].

Эти суждения Платона послужили причиной нашего обращения к теме современной профетической поэзии на «Платоновской конференции» и также могут служить смысловым эпиграфом к настоящему докладу, поясняя то, почему поэты обречены на пророчества, которых не в состоянии понять.

Молодая сетевая поэтесса Вера Полозкова («vego4ka»), которая стала особенно известна в профессиональном сообществе после вручения ей премии «Неформат» (2008) и скандала, с ним связанного¹, до сих пор не обладает достаточной легитимностью. Вера пытается уйти в смежные жанры — театр, рок-музыку и геопэтику путешествий, но вопрос о том, является ли она поэтом, до сих пор, пожалуй, открыт.

Что отделяет истинного поэта от рифмоплета? Можно предположить, что метафизика, духовное озарение, важное не для него одного, но для какого-то значимого количества людей. Естественно, что в нашей патриархальной культуре резонанс между читательницами блога и книг Полозковой не является достаточным основанием для причисления к поэтическим небожителям. Поэт

¹ См. запись в блоге критика Евгении Вежлян, касающуюся темы «поэт ли Вера Полозкова»? URL: <http://vejlyan.livejournal.com/193533.html>

всегда немного жрец, но смогла ли веро4ка стать Верой, даже если и маленькой?

Метафизическое основание поэзии Веры Полозковой мы находим в первом стихотворении из сборника «Фотосинтез» [Полозкова 2008]:

Или даже не бог, а какой-нибудь его зам
поднесет тебя к близоруким своим глазам
обнаженным камушком, мертвым шершнем...

В нем идет речь о том, как после смерти душа человека попадает в иной мир. Несколько раз кроме процитированного выше подчеркивается, что герой стихотворения превратился в камень, настолько небольшой, что его можно перебирать в ладонях: «покатает в горсти, поскоблит тебя с уголка», «человеческий, весь в прожилочках, минерал». Эта ситуация для объекта перебирания кажется неожиданной, но финальные строки подчеркивают, что с ним это уже случилось не один раз:

что-то ты глядишь изумленно слишком
будто бы ни разу
не умирал...

Подобное удивление лежало и в основе научного открытия, касающегося гностического крещения, которое было сделано не так давно исследователем гнозиса А.Л. Рычковым. Работая над одним из наиболее интересных произведений литературы гностицизма, трактатом «Pistis Sophia» (ок. IV в. н.э.) и 2-й книгой Йеу из Бруцианского кодекса, А.Л. Рычков обратил внимание на то, что гностический Иисус протягивает своим ученикам некие цифры, за что они очень благодарят и уходят с миром. Смысл этих цифр был неясен, но исследователь высказал предположение, что таким образом происходило гностическое крещение. В современных переводах эти места остаются неясными, и отражающее в текстах гипотетические цифры слово «псефос», которое переводится в настоящее время как шифр, номер, число, А.Л. Рычков

предложил интерпретировать как числовое изображение имен гностических божеств, вырезанных на геммах из полудрагоценных камней.

Таких гемм найдено великое множество, на части из них только имена, на других имена сопровождаются изображениями, к примеру Абраксаса (человека с головой петуха и ногами змеи), Хнубиса (змеи со львиной головой), Иао (например, в виде льва), Гарпократа (ребенка, сидящего на лотосе) и др., сопровождаемых гностическими сакральными именами. Считается, что эти геммы использовали в магических целях — для привлечения богатства, удачи, сохранения здоровья и излечения от недугов, а также в качестве защитных амулетов. Но предположение о том, что они использовались для гностического крещения, коренным образом меняет наше представление об этих артефактах и о сущности гностического мировоззрения. По сути дела эта гипотеза переворачивает многое, восстанавливая утраченную связь между многочисленными магическими геммами и гностическим крещением. Подобно тому, как если бы исследователь установил, для чего использовались нательные кресты в случае, если бы гностицизм победил христианство в начале нашей эры и его артефакты спустя две тысячи лет представляли бы для нас точно такую же загадку.

Известный ученый, переводчик коптских гностических текстов Бентли Лейтон в главке своей книги переводов наиболее важных гностических трактатов, посвященной гностическому крещению, высказывает свое мнение, которое может быть признано каноническим для современной науки. Лейтон пишет о том, что во время церемонии крещения кандидат «освобождается от темноты, надевает одежды света, омывается водами жизни, получает трон славы и увенчивается славой рождения, а в конце возносится к сияющему месту рождения» [Layton 1995: 19]. В «Евангелии Египтян» [Евангелие египтян: 230–251] он

облачается в имя Иисуса, а согласно «Апокрифу Иоанна» *гнозис* передается тогда, когда спаситель запечатывает кандидата светом воды пяти печатей. Эти пять печатей упо-

минаются во многих отрывках гностических евангелий как имеющие очень тесное отношение к гнозису, но из чего они состояли, не было понятно» [Layton 1995: 19].

Если следовать гипотезе А.Л. Рычкова, то в гностическом трактате «Вторая Книга Йеу» (в переводе V. MacDermot 1978) шифры или цифры в руках учеников Иисуса оказываются камнями-оберегами, помогающими душе гностика пройти сквозь небеса архонтов Йалдабаота [Рычков 2012; Рычков 2015]. В этом смысле бог или его заместитель из стихотворения Веры Полозковой, подносящий к своим близоруким глазам «камушек», делает это в рамках гностических представлений о загробном путешествии души, реконструированных А.Л. Рычковым.

Но тут возникает вопрос — откуда молодая поэтесса могла узнать такие тонкости религиозного символизма, которые неизвестны даже ведущим специалистам по теме и находятся на крае науки, на грани между гипотезой и ее одобрением сообществом? Вероятно, здесь речь идет о предзнании, предугадывании, пророческом видении поэта. В этом смысле на вопрос «поэт ли Полозкова?» следует ответить утвердительно, потому что в этом и состоит миссия поэта — чувствовать там, где другие знают, знать не умом, а сердцем².

² В недавней статье акад. Вяч. Вс. Иванов попытался следующим образом объяснить феномен синхронистичного «считывания» поэтами ответов на вопросы, над которыми еще раздумывают, а впоследствии приходят к аналогичным решениям ученые: «Я вижу разгадку таких совпадений в том, что философ Карл Поппер называл “Третьей вселенной”. По Попперу... третий мир — это потенциально возможный мир. Как предполагал Поппер, в нем находятся ненаписанные стихи и романы, недоказанные теоремы и так далее... Попытаюсь описать на немистическом уровне, т.к. для таких людей как Белый или Блок это же самое, вероятно, можно было бы сказать на другом языке. На немистическом языке можно было бы сказать, что вот этот мир потенциальных образов, с помощью которых мы могли бы [творчески реализоваться], — если бы преуспели во всем, что мы мечтаем сделать, — такой мир потенциальных образов развивается по мере роста нашей культуры. И развитие культуры доходит до того, что многое в этой крутящейся вселенной, которую Блок видит в астрономической обсерватории, и в этом микромире, который потом Бор пыта-

Это стихотворение мы выделяем особо, но оно не единственное среди гностических стихотворений Веры, в которых можно проследить непосредственную связь с Серебряным веком. Так, например, по нашему мнению, стихотворение «Новые сказки» не принадлежит к отголоскам фольклорной традиции, как это могли бы осмыслить современные исследователи [Елистратова 2011а]³, а продолжает мистические откровения русского Серебряного века, в особенности — традиции младосимволизма.

Эпиграф стихотворения задает тон происходящему: «Живет моя отрада в высоком терему, / а в терем тот высокий нет хода никому». Лирическая героиня Полозковой — царевна, заточенная в темнице. Но реалии, которые описывает поэт, напоминают нам о современности: «Тебя не пустят — здесь все по спискам, а ты же международным сыском припилен в комнатки к паспортисткам, и все узнают в тебе врага; а я тем более суверенна, и блокпосты кругом, и сирены, беги подальше от цесаревны, уж коли жизнь тебе дорога». То, что героиня и в этой, современной ситуации остается «цесаревной», говорит нам о стержневой важности этого образа — он не изменяется, остается прежним, несмотря на меняющиеся декорации эпох.

Стихотворение подписано 2007 годом, автору был 21 год. Примерно столько же (23 года) было Александру Блоку, когда он дебютировал в печати с подборкой стихотворений в журнале «Новый путь», в которую входил стих «Царица смотрела заставки...», о двух дамах, одна из которых царица, другая — царевна. Дебют Блока был воспринят критиками крайне негативно, положительных откликов не было, но отрицательные доходили до уничи-

ется описать как какие-то маленькие “микроволчки” атомов или элементарных частиц, из которых состоят атомы, вот это все есть в потенциальном мире, который как бы считывается в одну эпоху. И то, как великие поэты и великие ученые считывают — объясняется тем, что культура дошла до этого времени. Поэтому имеет смысл описывать целую область культуры, как она предстает в данный момент» (Иванов 2013: 46–49).

³ О поэтике В. Полозковой в рассматриваемом ракурсе см. также исследования: Елистратова 2011б; Елистратова 2012; Саломатин 2010.

жительных пародий. В чем-то это можно сравнить с ситуацией с Верой Полозковой, которую интеллектуальные критики и литературный бомонд не принимают за поэта.

Как указывает М.Ф. Мурьянов:

В 1921 г. А. Слонимский, коснувшись стихотворения «Царица смотрела заставки...», провел аналогию: царица — это «соловьевская мудрая “змея”», Царевна — «соловьевская “голубка”». Эту же мысль о «змеином знании», «гнозисе царицы» и «голубиной невинности царевны» четыре года спустя повторил С. Соловьев (1925, 15). Такая трактовка говорит об «офитском гнозисе в соловьевской интерпретации» [Мурьянов 1996: 27].

Андрей Белый высказывал мнение о том, что царицей в этом стихотворении в каком-то смысле является сам поэт, в то время как царевной — его возлюбленная, Любовь Менделеева. При этом один из ближайших друзей и знатоков творчества Блока замечал:

Поразительно: какъ повторяется въ лирикѣ Блока лирическая философія Валентина: до мелкихъ штриховъ! <...> Царица — Премудрость, Царевна-же — Ахамоть <...> Все — такъ: и цвѣта (золотой, синій) — традиціонные цвѣта Мудрости <...> Томленье сопутствуетъ Ахамоть; но къ ней слѣтитъ Параклѣтова бѣлая птица... Но «око», которому вся протянулась Царевна — изъ нашего «окна» понявшаго сильнее око стезею гностической; да, загаданъ «духовный романъ» межъ Царевной и гностикомъ: и Царевна — Невѣста; она — Твои числа замолить, царица. Опять — почему? Лишь тогда, когда Ахамоть въ нашемъ сознаниі перенесется въ плэрому, окончится міръ, міровая исторія, или послѣдствія неравновѣсія нѣкогда падшей царицы. Смотрите во что превращаются образы Блока, когда подойдете вы къ нимъ съ ключемъ гнозиса (Белый 1922) [Мурьянов 1996: 28–29].

Если применить анализ Андрея Белого к стихотворению Веры Полозковой, получится, что царевна в ее «Новых сказках о глав-

ном» — плененная в этом мире как в тюрьме София Ахамот, освободить которую пытается поэт-гностик:

...Что бабка, согнутая к кошелкам, что зеленщик, что торговка шелком — все просияют, что ты пришел к нам, здесь очень рады таким гостям. И если даже — то здесь все строго; тут от порога одна дорога, вокруг на мили дремучий лес; забор высокий, высоковольтка, охраны столько, овчарок столько, что сам бы дьявол не перелез; и лазер в каждом из перекрестий напольной плитки; да хоть ты тресни; ну правда, милый, так интересней, почти военный ввела режим; я знаю, детка, что ты все помнишь, все одолеешь и все исполнишь, и доберешься, и ровно в полночь мы с хода черного убежим.

Вероятно, здесь мы имеем дело с тем же самым переворачиванием гендера, где поэтесса становится возлюбленным Софии (как у Блока, по мнению Белого, поэт становился Царицей перед лицом Царевны — Софии Ахамот). Инверсию, кстати, отмечает и К.А. Елистратова:

При сопоставлении с известными сказочными сюжетами становится очевидно, что Вера Полозкова с опорой на «чужое» создает «свой» модифицированный (инсценированный) сказочный дискурс, отличительной чертой которого является смена гендерных ролей (акциональность свойственна отнюдь не мужскому, а женскому началу...)⁴.

Но было ли это заимствование символистских, пропитанных гнозисом стихов опосредованным или непосредственным? На наш взгляд очевидно, что такой срединной фигурой между современной молодой поэзией с эзотерическим (порой неосознаваемым до конца его носителями) бэкграундом и программными стихотворениями Серебряного века является рок-музыкант Борис Гребенщиков. Его влияние на поэзию Полозковой можно проследить как в прямых заявлениях поэта (как в стихотворении

⁴Елистратова 2011а.

«Ну и что, у Борис Борисыча тоже много похожих песен...», где имеется в виду Б.Б. Гребенщиков), так и в парафразах строк из его песен («Когда несут сакэ» у Б.Г. и «покуда несут сотэ» у Полозковой). Интересно, что в своем последнем сингле «Пришел пить воду», состоящем из двух связанных тематически между собой песен — той, что в заглавии альбома, и «Голубиное слово» — Борис Гребенщиков также ведет речь предположительно о гностическом крещении, что возвращает нас к цитированным ранее размышлениям Вяч. Вс. Иванова о феномене синхронистичности в культуре. В стихотворении Гребенщикова «Голубиное Слово», название которого перекликается с разобранным нами в начале работы голубиным символизмом в стихах Вл. Соловьева и А. Блока, есть любопытные строки о камне:

Напишите это слово на камне,
Раскрасьте его северным сияньем,
Наполните голубиной кровью
И забудьте навсегда, что оно значит;
Голуби возьмут его в небо,
Так высоко, что больше не видно,
И небо расколется на части,
Но об этом никто не узнает...

Обратим наше внимание на «слово, написанное на камне». Лирический герой поясняет в конце песни, что это — «голубиное слово», то есть слово, записанное в «Голубиной книге»⁵ — той

⁵ Сборник восточно-славянских народных духовных стихов конца XV – начала XVI века, первоначально называвшийся «Каменная книга», по преданию, данная Иисусом апостолам на Алатырь-камне: «Белый латырь-камень всем камням мати. / На белом латыре на камени / Беседовал да опочив держал / Сам Исус Христос, Царь Небесный, / С двенадцати со апостолам, / С двенадцати со учителям; / Утвердил он веру на камени, / Распушал он книгу Голубиную / По всей земле, по вселенныя» [Голубиная книга: 68]. Отметим, что в цитируемой песне Гребенщикова возможна скрытая аллюзия к белому камню Алатырю как небесному камню, на котором, согласно славянским языческим поверьям, выбиты сакральные письмена Сварога, а в ряде не вошедших в основной кодекс духовных стихов — и сама «Голубиная книга» запечатлевается на нем Иисусом.

самой Священной книге, которую держит Царица в раннем стихотворении Блока, упомянутом нами выше:

Отворилось облако высоко,
И упала Голубиная книга.
А к Царевне из лазурного ока
Прилетела воркующая птица.

Если рассматривать эти песни вместе (а так обычно и исследуют рок-альбомы, как лирический цикл), то в первой идет речь о христианском крещении Водой, плохо удающемся в Москве (в рок-смысле Гребенщиков здесь наследует традиции Майка Науменко с его трагическими «Московскими блюзами» [Дайс 2008]), а во второй об успешном гностическом крещении с помощью надписи, содержащей божественное имя. Успешном в том смысле, что камень попадает на небо, для чего он и предназначен. Это крещение явно питерское по своей сути, ведь именно в Эрмитаже, по предположению А.Л. Рычкова, содержатся тысячи гностических гемм, одну из которых, возможно, держал в руках сам гностический Иисус из апокрифического евангелия «Пистис София».

По нашему мнению, это истолкование еще более сближает символизм стихов Б.Б. Гребенщикова с гипотезой А.Л. Рычкова — оба отсылают к апокрифическому Иисусу и небесному камню, на котором пишется сакральный текст. Необходимо отметить, что по другим апокрифам, на аналогичном камне изначально Адамом был записан договор с дьяволом, Иисус же отменил его клятву и изменил начертанье: в славянской традиции духовного стиха — на книгу, по которой спасается, но и осуждается род человеческий (подробнее см.: Федотов 1991: 35–40). В заключение отметим также, что утверждение Иисусом веры на камне, упоминаемое в «Голубиной книге», отражает фрагмент песни канона на Великую среду: «На камне веры утвердив меня, ты раскрыл уста мои...».

Источники и литература

- Голубиная книга — Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / Сост., вступ. статья, примеч. Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошина. М.: Моск. рабочий, 1991.
- Дайс 2008 — *Дайс. Е.* Чужая столица. Юрий Андрухович «Письма в Украину», Майк Науменко «Blues de Moscou» // Дружба народов. 2008. № 5. С. 207–214. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2008/5/da17.html>
- Евангелие египтян — «Евангелие египтян» — памятник мифологического гностицизма / Вступ. статья, перевод и комм. Смагиной Е.Б. // Вестник Древней Истории. 1995. № 2 (213). С. 230–251.
- Елистратова 2011а — *Елистратова К.А.* Сказочный дискурс в поэзии Веры Полозковой // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. ВГПУ. 2011. № 4. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325226075.pdf>
- Елистратова 2011б — *Елистратова К.А.* Диалог культур как языковая стратегия кодирования информации в поэтическом дискурсе Веры Полозковой // *Lingua mobilis*. 2011. № 27. С. 7–13.
- Елистратова 2012 — *Елистратова К.А.* Поликодовая языковая личность поэта: лингвосемиотический аспект (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) // Научный диалог. 2012. № 12: Филология. С. 137–147.
- Иванов 2013 — *Иванов Вяч. Вс.* Смена времен и образ волчка у Блока // Шахматовский вестник. Москва: ИМЛИ РАН, 2013. Вып. 13. С. 40–49.
- Ион — *Платон. Ион* // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1 / Под ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1994. С. 376–379.
- Мурьянов 1996 — *Мурьянов М.Ф.* Литературный дебют Александра Блока: (Стихи о Голубиной книге: текст, контекст и подтекст) / После-словие А.Л. Гришунина (С приложением неопубликованных воспоминаний Л.Д. Блок) // Филология = Philologica. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 7–52. URL: <http://www.rvb.ru/philologica/03/03murianov.htm>
- Полозкова 2008 — *Полозкова В.* Паволга О. Фотосинтез. М.: Livebook/Гаятри, 2008.
- Рычков 2012 — *Рычков А.Л.* Symbolarium «александрийской» глиптики Эрмитажа и ономастикум Pistis Sophia: к постановке вопроса о параллелях // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 10. М., 2012. С. 108–125.
- Рычков 2014 — *Рычков А.Л.* Небесная таможня: о корреспонденции магических амулетов с гностическими именами в IV Книге Pistis Sophia

- (к постановке проблемы) // Россия и гнозис — 2011. Сб. трудов международной научной конференции / отв. ред. А.Л. Рычков. М.-СПб: Центр книги Рудомино, 2015 (в печати).
- Саломатин 2010 — Саломатин А. От кича к кэмпу: о стихах Веры Полозковой и Алины Кудряшевой // Вопросы литературы. 2010. Вып. 5. С. 97–111.
- Тимей — Платон. Тимей / пер. С.С. Аверинцева // Платон. Собр. сочинений в 4-х т. Т. 3 / Под ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1994. С. 421–500.
- Федотов 1991 — Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. ст. Н.И. Толстого; подготовка текста и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Прогресс; Гнозис, 1991. С. 35–40.
- Layton 1995 — Layton B. Historical introduction // Layton B. The Gnostic Scriptures. N.Y., 1995. P. 5–22.
- MacDermot 1978 — The Second Book of Jeu / Ed. C. Schmidt, tr. and notes V. MacDermot // C. Schmidt, MacDermot V. The Books of Jeu and the untitled text in the Bruce Codex. Nag Hammadi Studies. Vol. 13. Leiden: Brill, 1978. P. 125–212.